

2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 39. Д. 40.
4. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998.
5. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012.
6. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2014.
7. Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ). Д. Р-28394.
8. ЦА ФСБ. Д. Р-4673 (в 2-х томах). Т. 1.

УДК 94 (470+571)“19”

Л.М. Салахова, Н.Н. Путилина

Организация жизнеобеспечения ссыльнопоселенцев из Литвы (на примере Широкопадского леспромхоза)

Аннотация. Авторы, используя устные воспоминания и документальные источники, воссоздают картину жизни и быта литовцев в первые годы ссылки в Иркутскую область, обращают внимание на проблемы в организации жизнеобеспечения и способы их решения, выявляют жизненные практики, способствовавшие выживанию населения в условиях репрессивного режима.

Ключевые слова: депортация, ссыльнопоселенцы, практики жизнеобеспечения, устные воспоминания, социокультурная история Сибири.

L.M. Salakhova, N.N. Putilina

The life organisation of the deportees from Lithuania (on the example of Shirokopadsky timber tree enterprise)

Annotation: Using oral memories and documentary sources the authors recreate the picture of everyday life of Lithuanians in the early years of the deportation to the Irkutsk region. They pay attention to the problems in the organization of the life support

practices and the ways of solving these problems. Then the authors reveal the vital practices that contribute to the survival of the population in the conditions of a repressive regime.

Key words: deportation, deportees, life support practices, oral memories, sociocultural history of Siberia.

В современной исторической науке депортацию рассматривать как одну из «форм государственных репрессий, предпринимаемых институтами власти по отношению к своим гражданам или подданным других государств с использованием силы или принуждения. Базовыми составляющими депортаций как репрессивных акций является административный (или внесудебный) характер, контингентность и установка на массовое перемещение людей из привычной среды обитания в новую, непривычную и зачастую экстремальную для выживания среду» [15, с. 5].

Население приграничных районов Советского Союза в 1930–1950-е гг. подверглось выборочным депортациям. В настоящее время благодаря масштабной работе исследователей по сбору и публикации документов воссоздано представление о 52 депортационных кампаниях, проведенных в СССР и охвативших шесть миллионов человек. Очевидно, что со второй половины Великой Отечественной войны депортации приняли ярко выраженный этнический характер. Это еще более усугубило и без того сложную социальную реальность в которой находились люди, поскольку ко всем сложностям добавлялся языковой барьер в общении ссыльнопоселенцев с властью, а также, местными жителями.

Целью настоящей публикации является попытка воссоздать картину организации жизни депортированных литовцев в первые годы их пребывания в Иркутской области. Сочетание доступных письменных источников и устных воспоминаний непосредственных свидетелей и участников событий позволяет не только воссоздать картины повседневной жизни в местах ссылки, но и осмыслить степень социокультурных изменений, происходивших в результате взаимовлияния мигрантов и жителей сибирских поселений.

Установлено, что в результате операции «Весна» в Прибайкалье было выслано 11 тысяч 495 человек [11, с. 133]. Это был

второй, после Красноярского края, регион по количеству вынужденных мигрантов, прибывших из Литвы. Основная масса людей, 2 800 семей, была направлена в распоряжение трестов «Востсиблес» и «Иркутскхимлес». Контроль за организацией размещения осуществлял исполнительный комитет областного Совета народных депутатов, о чем свидетельствует решение № 426 от 2 июня 1948 г. По утвержденному плану триста семей были направлены в Широкопадский леспромхоз (ЛПХ) Усольского района [5, л. 4].

Широкопадский леспромхоз (или механизированный лесопункт) образовался в 1936 г. в результате реорганизации Усольского леспромхоза. Центральным посёлком была определена Широкая падь (Николаевск). В структуру хозяйства входили еще три лесопункта: Широкопадский, Одинский и Тальянский[15]. Из архивных документов следует, что в мае 1948 г. предприятие еще именуется как мехлесопункт (МЛП), а уже в августе 1949 г. – Широкопадский леспромхоз [2, 27]. На Тальянский лесоучасток Широкопадского мехлесопункта было в 1948 г. определено 1074 спецпереселенца из Литовской ССР.

Чтобы представить те условия, в которых оказались поселенцы, нужно подробнее остановиться на описании производства Широкопадского леспромхоза.

На 1947 г. во всем леспромхозе, то есть на трех участках, насчитывалось 244 рабочих (135 мужчин и 109 женщин), 15 инженеров, 25 служащих, 25 человек младшего обслуживающего персонала и охраны. В общей сложности – 310 человек, в основном это мужчины и женщины до 35 лет[1, 40].

В 1940-е годы Тальяны не были поселком. На территории Тальянского лесоучастка располагались бараки, гараж, конюшня, магазин, работал медпункт. Наёмные рабочие из соседних поселений приезжали на участок работать. Некоторые из них жили семьями, в основном инженеры и служащие. Вероятно, по этой причине еще в 1936 г. была открыта начальная школа. Таким образом, дети лесозаготовителей могли получать образование.

По воспоминаниям Сензикас Марите д. Казиса от Усожья-Сибирского до Широкой Пади спецпоселенцев доставляли на телегах. А из Широкой Пади до Тальян (30 км) шли пешком: «Пожитки и маленьких детей везли на подводах» [13]. Дубровина Лайма, д. Клименса, вспоминает о дороге со станции Ангара до

Тальяны: «Погрузили на телеги, тракторами привезли сюда в Тальяны, как вот грузят мусор. Скамьи... – ничего не было. Семьи наверное по две или по три, но много раз привозили. Не за один рейс перевезли»[8].

В течение всего июня прибывали литовцы в Тальяны. Например, Лайма д. Клеменса прибыла в Усолье-Сибирское только после 22 июня. А некоторые литовцы в середине июня уже были приняты на работу в Широкопадский леспромхоз. Кетурикус Антанас с. Пятраса был принят 14 июня, Вершутис Йозас с. Юргиса, Жимайтис Винцас с. Ионаса, Барткус Антанас с. Антоноса – 15 июня, Монтевилло Костос с. Винцаса – 18 июня, Бастис Ёзас с. Пияуса – 22 июня.

Учет и надзор за спецпоселенцами осуществляла комендатура. В штате комендатуры, размещенной в пос. Тальяны, числился комендант и при нём два милиционера. В памяти людей сохранились их фамилии – Копылов А. Г. и Тюхай Г.И. Комендантом был капитан Горбунов. Кузнецов Г.Ф. вспоминает: «Горбунов был главный! Царь и Бог! Начальник над всеми этими литовцами, да и не только над литовцами, а над всеми вообще»[7]. Квартира коменданта и сама комендатура находились в одном здании. Туда приходили литовцы отмечаться. Первое время ссыльные должны были отмечаться каждый день, позже отметиться надо было раз в неделю[9].

Жилищные условия, в которые помещали прибывших литовцев, были очень тяжелыми. Отвод жилых помещений и коммунально-бытовое обслуживание должны были производиться Наркомлесом СССР по нормам, установленным для рабочих лесной промышленности еще в довоенные годы. Каждой семье спецпереселенца должна была предоставляться отдельная комната или отдельное место в бараке из расчета не менее 3 кв. м жилой площади на человека. Но реальная ситуация была иной. Первых прибывших поселенцев расселяли в бараки. Сензикас Марите д. Казиса вспоминала: «В каждом бараке селилось по 10 семей. Пять с одной стороны, пять с другой, их разделял узенький коридор»[13].

«Квартира» представляла собой комнату, примерно 10 кв. м, в которой селилась одна, а то и две семьи. Между квартирами были перегородки из досок. Другого жилья в Тальянах не было.

Кузнецова А.М рассказывает: «Не было здесь никаких домов, только бараки, только одни бараки». Но и их не хватало. Многих поселили в бывшей конюшне, её сначала нужно было для жилья подготовить – вычистить, вымыть, застеклить... А вот эта улица (Советская). Там и с этой стороны бараки были, и с той. Там еще коней немного после войны было. Они там, лошади, жили, а потом, когда их (литовцев) привезли: чистили, стеклили и жили» [6].

Семье Антанаса Штуописа (в семье Штуопис было 5 детей) и ещё несколькими многодетным семьям разрешили поселиться до осени в школе, пока не подготовят жильё. Построенные бараки нужно было разделить на отдельные комнаты для каждой семьи. Лайма д. Клементаса вспоминает, что жили в гараже – прямо между тракторов, в конце бокса для ремонта тракторов были сооружены нары. Сколько это продолжалось, Лайма д. Клементаса не помнит, но вскоре семью переселили в барак, который был спланирован следующим образом: «Десять семей с одной стороны и четыре с другой, две посередине. Мы жили, где десять семей. Комнатушка вот такая (показывает). Сестра, два брата, дедушка и я. Дедушка умер. Потом нас осталось пять человек. На полу спали и одни нары были, на них мама спала» [8].

Обстановка во всяком жилище того времени была примерно одинаковая – стол, печка, кровать. Комнаты в бараках были маленькие. У многих литовцев были привезены перины, подушки, домашняя утварь. Александрова Т.Д вспоминает как жила её подруга детства: «Жили они в бараках, в бараках комнатки маленькие, стоит койка (она одна девка была у родителей), а где эта спала девчонка, Сигита звали её? Ну, стол. А всё было! Как смогли? Перины, подушки!» [10].

В бараках не было печек. Их стали складывать осенью. Лайма д. Клементаса: «Уже осень подходила – печки не было. Потом уже печки выстроили печники – вот такую (показывает на кирпичную печку)» [8]. Дрова собирали вокруг поселка. Так как поселок таёжный – недостатка в дровах не было. Везде вокруг было множество пней. Эти пни рубили на дрова. Дубровина Лайма д. Клементаса вспоминает: «Мешок наложишь и домой несешь или на санках везёшь» [8].

Проблемой в организации жизни переселенцев стало обеспечение их питанием. Основу пайка спецпереселенцев составлял хлеб. Его выдавали утром, перед работой, по 200 грамм на человека. Очередь занимали ночью. Бывало, отстояв очередь, приходилось идти домой пустыми, потому что хлеб уже кто-то получил: «... сам продавец отмечал, а хлеб забирал себе» [8]. В первый месяц работы ссыльные не могли купить продукты в магазине, так как у них не было денег. Расчет с рабочими производился по факту выработки поставленных норм лесозаготовок в конце каждого месяца. Таким образом, без денежного довольствия надо было прожить месяц. Не все сразу приступили к работе. И более того, среди прибывших ссыльнопоселенцев было немало нетрудоспособного населения. Это, прежде всего, старики и дети. Второй причиной оставшегося в памяти людей голода стало несовершенство системы снабжения. Местный магазин не мог обеспечить продовольственными и промышленными товарами значительно увеличившееся население лесопункта. Нам еще предстоит выяснить предпринимались ли усилия по подготовке организации рабочего снабжения в новых условиях.

По воспоминаниям, записанным в разных местах пребывания ссыльнопоселенцев в Иркутской области, одним из способов жизнеобеспечения был обмен вещей на продукты питания, рукоделие, «выполнение работ по дому» и уход за детьми.

Но в силу того, что местом расселения людей был промышленный пункт – лесоучасток, поначалу воспользоваться практикой обмена вещей на продукты питания у местного населения не представлялось возможности. Малонаселенный лесоучасток находился на значительном расстоянии от сельских поселений Усольского района. Для того чтобы разжиться сельскохозяйственными продуктами, надо было получить разрешение коменданта на выезд. Расстояние до ближайшей деревни Лыткино 18 километров. Иногда рабочие Тальян ездили в Лыткино (в колхоз «Ленинский охотник») – за картофелем. Некоторые поселенцы ночами ходили на поля – найти хоть что-то съестное. Посадка огородных культур помогла бы частично решить продовольственную проблему. Но первое лето 1948 г. было упущено, что отозвалось голодом в первый год пребывания в ссылке. В результате люди «на воде варили траву», и этим и кормились. БирUTE Жимгулене вспоминала: «Нам, ссыльным, выдавали

всего на сутки 0,5 кг хлеба одному взрослому работающему человеку, и всего 100 граммов хлеба детям и старикам и больше ничего. И поэтому в первую зиму 48–49 года много, очень много, литовцев умерло просто от голода, холода и болезней» [12].

Старые, ослабленные тяжелой дорогой, голодом, переживаниями люди не смогли перенести первой зимы. Умер дедушка нашей респондентки, Лаймы д. Клементаса. Умерла старушка, приехавшая с семьей Штуописов. «Угасла», как вспоминал Антанас с. Антанаса, умерла и его маленькая дочка.

Власти не могли не видеть бедственного положения людей. Это подтверждают архивные материалы: «Рабочие Тальянского участка, вновь прибывшие литовцы занимаются воровством, потому что рабочие являются голодными», «нет возможности обеспечить пункт продовольствием», «руководитель пункта плохо работает с сохранением картофеля – он сгнил, не был своевременно доставлен на пункт», «выплата заработной платы запущена, выплачивается очень плохо», «продуктами снабжение очень плохое» [3, л. 3]. Поэтому в 1949 г. поднимался вопрос об обеспечении спецконтингента семенным картофелем [4, л. 10].

Таким образом, литовцы стали первыми создавать подсобные хозяйства в Тальянах. До литовцев рабочие лесозаготовительного участка огородов не имели. В.Е. Зайцева (Тюхай), дочь милиционера, вспоминает, как в детстве она ночью увидела работающих лопатой при свете костра людей. Это были литовцы, разрабатывавшие огород [9]. Это был не единичный случай, поскольку днем все трудоспособное население находилось на работе. Физических усилий стариков и женщин не хватало для разработки целины, а мужчины могли включиться в эту работу только поздно вечером или ночью.

Постепенно налажился и обмен вещей на продукты питания. У некоторых семей с собой вещей было привезено совсем мало. Это зависело от людей, которые выселяли из родных домов и от достатка выселяемой семьи. Большинство солдат, осуществлявших выселение, проявляли грубость, жестокость, не давали времени или возможности собрать вещи.

Лайма д. Клементаса вспоминает: «Продуктов ничего мы не взяли. А с постели взяли мало. Брат ещё хотел подушку взять, так чуть не застрелили его из-за подушки, что подушку взял. А мы с сестрой по подушке взяли да окно выбили, и в окно высоко-

чили с подушкой. Милиция забирала. Даже двоюродный брат забирал и говорит: «Что тут много одеваются, наряжаются, все равно вам недолго осталось жить» [8].

Вместе с тем некоторые не были лишены сострадания. Так, Антанас с. Антанаса Штуопис вспоминал о чекистке, которая подсказала, что нужно взять с собой в ссылку [13]. Т.К. Штуопис рассказывает, что семья мужа, в отличие от других, с собой привезла постель, достаточно одежды. Продуктов хватило на всю дорогу, и голод начался уже в Тальянах.

Вещи же, привезенные из Литвы, были хорошим подспорьем. Их можно было поменять на картошку и капусту, которые позже литовцы будут выращивать сами. Обмен при условии, что есть, что менять, очень помогал. У местных жителей никогда не было таких «предметов роскоши» как перины и подушки. В остальном и литовцы, и местное население находились на одном уровне по обеспеченности товарами первой необходимости и продуктами.

Воспоминания Кузнецовой А.М.: «Помню, они привозили с собой сало. Мы что-нибудь такое или картошку им давали, капусту давали, они нам сало, такое желтое. Например, Корневы, Рачковские они вот эти перины, подушки пуховые, одеяла пуховые у них выменивали на эту картошку. У нас-то ничего не было, детей много было. Нищета была» [6].

Александрова Т.Д.: «Перины у них были! Здесь перин не было! Они не выменивали бы, а, видать, голод заставлял или что в то время. Вот я знаю, Сергунов Михаил работал... Он работал здесь начальником участка. Они обычно таким вот... кто более или менее, подушки принесут, те дают сало... пока они слабовато жили. Некоторые местные жители пользовались положением...» [10].

Основная часть спецконтингента в Тальянах, работавшая на лесозаготовках, могла рассчитывать в перспективе на заработную плату. Но кроме леспромхоза устроиться было некуда. Лишь некоторые нашли себя вне леса – Йодснуките Марита д. Йонаса была взята в школу, так как дети литовцы не могли сразу начать учиться на русском, им был нужен переводчик. Вспоминает Кузнецова А.М.: «По немецкому у нас учительница была – литовка Йодснуките Маритя» [6]. Учителей-литовцев помнят и другие респонденты. К примеру, Александрова Т.Е.

вспоминает: «Преподаватель-литовец Альгис, а фамилию я не помню, еще у нас литовка-учительница преподавали немецкий – Марита Ивановна» [10] .

К 1950 г. из двадцати восьми работников Широкопадского леспромхоза, получавших оклад, трое были литовцы – счетовод, уборщица-курьер, завхоз [2, л. 39].

Наняться «в няньки» в малозаселенной местности, при отсутствии свободного от надзора населения, было сложно. Потребности в этой услуге были ограничены. Кроме того, нельзя не учитывать языковой барьер – основная масса переселенцев плохо владела русским языком.

Таким образом, обобщая воспоминания и документальные свидетельства, можно сделать вывод о том, что период адаптации ссыльного населения из Литвы на Тальянском лесоучастке занял два года. Такая ситуация была обусловлена недостаточной подготовкой Широкопадского леспромхоза, нуждавшегося в рабочей силе, к приему таковой в большом количестве. Это проявилось в неспособности организовать для вынужденных мигрантов нормальные жилищно-бытовые условия, продовольственное снабжение и котловое питание. Можно обратить внимание на то, что не был продуман вопрос о трудоустройстве и занятости тех членов семей литовских переселенцев, которые не смогут работать в лесу. Все проблемы начинали решаться по мере возникновения катастрофических последствий для людей.

Список литературы и источников

1. Архивный отдел администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования Ф. 19. Оп. 11. Д. 11. Л. 40.
2. Архивный отдел администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования, Ф. 3. Оп. 1. Д. 266. Л. 27.
3. Архивный отдел администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования Ф. 22. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.
4. ГАНИИО. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
5. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 579. Л. 4.
6. Воспоминания Кузнецовой А.М., 1936 г.р. Место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 20. 02. 2016. Аудиозапись, визуальное картографирование.
7. Воспоминания Кузнецова Г.Ф., 1942 г.р. Место проведения – г. Ангарск. Дата проведения – 27. 02. 2016. Аудиозапись (транскрибирование).
8. Воспоминания Дубровиной Л.К., 1935 г.р. Место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 28. 02. 2016. Аудиозапись (транскрибирование).
9. Воспоминания Зайцевой В.Е., место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 28. 02. 2016. Аудиозапись.

10. Воспоминания Александровой Т.Д., 1936 г.р. Место проведения – п. Тальяны. Дата проведения – 21. 02. 2016. Аудиозапись.

11. И. Сталин – Л. Берия: «Их надо депортировать ...»: Документы, факты, комментарии / сост. Н.Ф. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. 288 с.

12. Музейная комнат СОШ п. Тальяны. Письмо Б. Жимгулене.

13. Музейная комнат СОШ п. Тальяны. НИР «Литовцы в Тальянах» Е.С. Федотовой.

14. Сталинские депортации, 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. Серия: Россия. XX век. Документы. М., 2005. С. 5.

15. Чудинова Н.Н. История Тальян // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тальяны>.

УДК 343.81

Е.В. Суверов

Сельхозпроизводство и деревообработка в Ангарском исправительно-трудовом лагере (1949–1959 гг.)

Помимо основной производственной деятельности Ангарского исправительно-трудового лагеря в 40–50-е годы прошлого века – строительства железной дороги и сопутствующей ей инфраструктуры, активно развивался лагерный аграрный сектор и деревообработка. Сельхозпродукция шла на внутренне потребление, добытая древесина – на изготовление шпал, дров и другой продукции. Значительно снижало развитие этих секторов пенитенциарной экономики бытовая неустроенность, ошибки в планировании, несоблюдение техники безопасности, активность бандитско-воровского контингента.

Ключевые слова: сельхозпроизводство, лагерь, заключенные, деревообработка, аграрный сектор, план, древесина, сельхозы, лагерные пункты, специальности, социалистическое соревнование.

E.V. Suverov

Agricultural production and woodworking in Angarsk correctional labor camp (1949–1959)

The camp agricultural sector and woodworking developed actively as well as the primary production activities of the